

В тот вечер был необычайно красивый закат. Тёмно-оранжевый, к низу почти кровавый свет прорвался с запада сквозь едкую завесу дыма, исходяемого поминутно высокой кирпичной трубой. Я перевел свой взор на гору. Лес на ней стоял уже совсем прозрачный, исключая небольшие тёмно-зеленые пихтовые островки. От той шикарной осени, что ещё пару недель назад будоражила моё сознание... □ □

От той шикарной осени, что ещё пару недель назад так настойчиво будоражила мое сознание своей красотой, не осталось ничего прекрасного. Над горой всё сильнее синело небо, опять обещающая морозную ночь и редкие высокие звезды. Его, безоблачное, очень отчетливо резала на две части пара белоснежных самолетных путей, расположенных очень близко друг к другу, почти сливавшихся.

Я взглянул на часы. Пора. Оделся, выбежал из подъезда и двинулся к автобусной остановке. Уже почти подойдя, увидел на дороге, у обочины, что-то чёрное. Ещё пара шагов. Собака? Что она делает на дороге? Следующая пара шагов. В полуметре от бордюра лежала черная с белыми опалинами мертвая собака. Нижняя часть морды была в крови, струйка которой тянулась к темно-багровой широкой луже, играющей неподалеку закатными бликами. Чёрное ухо неестественно завернуто набок, правый глаз безобразно выпучен наружу...

Я вздрогнул, почувствовал на своем лице выражение глубокой скорби и сожаления. Все поэтическое, воздушное настроение куда-то улетучилось. Прошёл к остановке и встал к собаке спиной, ждал. Автобус, подъехавший к углу диспетчерской, остановился и стоял там ещё минут семь. Но минуты эти тянулись тяжело. Прошло какое-то время, и какая-то сила заставила меня оглянуться назад.

К бездыханному небрежно лежащему телу подошёл большой рыжий пес. Сразу видно, бродячий: грязная, местами выдранная шерсть, какой-то притупленный взгляд. Пес ткнул носом в плечо лежащего. Реакции не последовало. Он тут же ткнул дважды. Тело чуть подалось вперед, а Рыжий, повернув голову, вопросительным взглядом окинул стоявших на остановке. Пес обошёл тело кругом и, кивнув головой, лизнул черную морду. «Вставай». Он лизнул ещё раз. «Вставай, – как бы говорил он этим жестом и опять непонимающе взглянул на толпу. – Что это он?» После этого снова опустил голову и несколько секунд смотрел на Чёрного. Потом он упёрся задними лапами в асфальт, а передними начал тянуть тело на себя, к бордюру. Именно лапами, как человек, не зубами. Мёртвая собака, видимо, была тяжёлой: пёс упирался, напрягался весь, пыхтел. Из его пасти и ноздрей выходили густые клубы пара, в то время как остывшее тело не испускало уже тепла. Иногда он бросал свое занятие, обходил с другой стороны и, не обращая внимания на проезжающие, громко гудящие машины, носом толкал Чёрного.

Меня переполняли чувства, отвернулся. Я знал, что, если проклятый автобус не подъедет через минуту, разрыдаюсь. Не оборачиваясь, я всё-таки дождался, сел у окна. То, что произошло за холодным стеклом, перевернуло все у меня в душе. Рядом с Чёрным, положив косматую голову с опущенными ушами на спину друга, устало и тяжело выталкивая ноздрями пар, на асфальте лежал Рыжий, так, казалось, до конца и не осознавший, что случилось с его товарищем.

Я перевел взгляд в другое окно и увидел небо. На нём, как и прежде, были две белые полосы, только одна будто застыла где-то над горой, а вторая, спускаясь к горизонту, шла дальше... **Зеленк@**